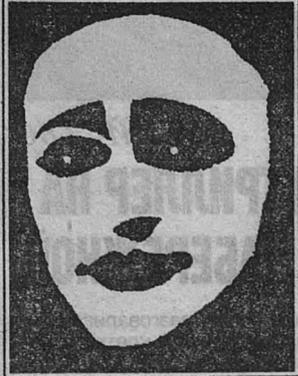

ЖИЛ Я ШУМНО И ВЕСЕЛО,

Коме. правда. - 1995. - 12 мая. - с. 7.

КАЮСЬ...

ОН УЧИЛСЯ в Киевской гимназии вместе с Паустовским, Булгаковым, Берсеневым. Приехав в Москву и поступив на юридический факультет университета, тотчас помчался сдавать еще один вступительный экзамен – во МХАТ.

Народу там было видимо-невидимо. За длинным столом сидели боги: Станиславский, Немирович-Данченко, Москвин, Качалов, Книппер, Леонидов... Чем больше читал Саша Вертинский, тем больше удивлялись экзаменаторы.

– Чьи это стихи?
Саша читал стихи «авангардных» поэтов.

Боги пожимали плечами и переглядывались – они не знали таких поэтов. Не знали даже скандального Северянина!

– А Пушкина вы читаете?
– Нет.

– Почему? Не любите его?
– Люблю, конечно. Как можно его не любить? Но Оскар Уайльд сказал как-то, что классики – это писатели, которых надо внимательно проштудировать и... немедленно забыть. – Саша похолодел от своей неслыханной дерзости.

Однако интеллигентные люди сделали вид, что ничего не произошло.

– Вот вы плохо произносите букву «р», что думаете делать с этим дефектом?

Ответа, похоже, Станиславский не слышал, потому что на другой день Вертинский своей фамилии в списке счастливых не увидел.

МНОГО позже Станиславский после концерта Вертинского пришел к нему за кулисы:

– Очень жаль, что не углядел я в вас артиста...

А артист – то получался великолепный! Когда таланту его становилось тесно в газетных рассказах и фельетонах, он писал еще и сценарии к фильмам и сам снимался в них. Когда не хватало и кино, он сочинял стихи, музыку и пел песни. Когда душа его требовала уж совсем чего-то неординарного, он ехал на фронт братом милосердия, выносил с поля боя раненых.

А затем почти два года провел в санитарных поездах!

Известность его росла стремительно – если весной 1915 года он дебютирует несколькими своими песнями, то уже через месяц (!) Вертинский – премьер крупнейшего в Москве Театра миниатюр, а всего через год – все-российская знаменитость. Восемнадцать фильмов, десятки романсов, сотни рассказов и фельетонов – все это сделано до октябрьского переворота.

ЗРЕЛ бенефис. И по иронии или персту судьбы он состоялся именно 15 октября 1917 года!!!

После бенефиса, в первом часу ночи погрузив на трех (!) извозчиков только цветы (подарки остались в театре), Вертинский поехал домой. Доехав до Страстного, он услышал выстрелы. В «Метрополе» засели юнкера. У Никитских – белогвардейцы. Извозчики дальше ехать отказывались.

Разгрузив ящики и корзины с цветами к памятнику Пушкину, Вертинский пошел домой пешком. Он шел, улыбаясь, вспоминая минуту своего триумфа, и совсем-совсем не догадывался, что в эти мгновения вокруг начинается «великая революция». Ведь в жизни все бывает совсем не так, как в учебниках, – не «протест восставшего народа против устоев старой власти», а все-го-навсего кое-где постреливали, и шуршали под ногами мертвые листья на совершенно пустынных бульварах.

То, что в Питере «стреляла Аврора» и «штурмовался Зимний», в Москве можно было и не заметить. Во всяком случае – в первые недели. Точно так же трещали газеты, а король журналистов Дорошевич на весь «подвал» разразился в «Русском слове» восторженной статьей под заголовком «ВЕРТИНСКИЙ».

В МЕСТЕ с антрепренером Леонидовым Вертинский выезжает на сельные гастроли. Первым городом, в котором Александр мог убедиться в своей славе, стал Екатеринослав. Приехав в него, Вертинский прежде всего пошел посмотреть театр – тысяча двести мест! Ему стало ясно, что это провал – в его московском театре мест было всего триста, и то дальше пятого ряда его уже не слышно, микрофонов же не было, а тут!..

А потом состоялась, по сути, рождение настоящей славы Александра Вертинского, о котором лучше него самого рассказать невозможно:

Не с этой ли фотопробы Вертинского позже «срисована» знаменитая Никитична?

«Концерт я начал тихо, как всегда. Атмосфера была хорошая. Первое отделение прошло благополучно. Леонидов не показывался. Во втором отделении, подкрепившись еще глотком коньяка, я уже пел увереннее. «Бал Господен» тронул наконец сердца – ему очень аплодировали.

Последней была моя песня «То, что должен сказать», написанная под впечатлением бессмысленной смерти московских юнкеров:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,

Кто послал их на смерть недрожавшей рукой...

Я уже был в ударе. Подходя к краю рампы, я бросал слова в публику, как камни, –

Чарли Чаплин, Даглас Фербенкс, Мэри Пикфорд, Марлен Дитрих, Грета Гарбо...

Ему аплодировали в королевских ложах. Ему аплодировали дамы в мехах и бриллиантах и сбивали ладони господина в смокингах аристократического «Голливуд морнинг брекфаст клуб». Если мы все сейчас гордимся Михалковым, наконец-то получившим заветную золоченую фигурку из-за океана, то Вертинский сегодня был бы национальной гордостью – доживи он до наших дней.

НО НИКОГДА он не был счастливым так, как в России.

Две просьбы о возвращении гражданства СССР – два отказа. Третья – удача! Но... прогорел ресторан, в котором Вертинский был пайщиком, и местные власти запретили ему выезд из Шанхая до погашения долгов.

Шел 1937 год... Судьба его, что ли, хранила?

Певец со своей прелестной и юной женой Лидией

Анастасия ВЕРТИНСКАЯ:

ОТЕЦ НИКОГДА НЕ РАСКАИВАЛСЯ, ЧТО ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ

– Анастасия Александровна, когда и как познакомились ваши родители?

– В Харбине, когда маме было всего 16 лет. Мамини родители не просто приняли этот брак, все-таки Александр Николаевич был на тридцать с лишним лет старше...

– А кем были родители Лидии Александровны?

– Отец – крупный железнодорожный инженер, работал в Сибири, где его и застала японская оккупация. Мама родилась в Шанхае, но обо всем личном в их жизни лучше спросить у нее самой, она живет на Тверской, в той самой квартире, которую им дали по возвращении...

– Александр Николаевич писал в своих

дневниках – уже в советский период, – что если б не дочери и жена, он мог бы наложиться на себя руки: он жалел, что вернулся?

– Нет, никогда. Он очень переживал полное замалчивание своего творчества властями, газетами, радио. Эта признанность миллионами людей и одновременно непризнанность: его как бы не существовало – главная трагедия всей его жизни.

– Вы преподаете во Франции?

– Да, с Александром Калягиным мы читаем там Чеховский курс для французских актеров. Во Франции дни мои так забыты, что я не задумываюсь о том, чтобы, скажем, уехать из России, но уже через два месяца я держусь там из последних сил и хочу вернуться.

яростно, сильно, гневно. Уже ничего нельзя было остановить во мне. Зал задыхнулся – потрясенный, испуганный:

Осторожные зрители молча кутались в шубы,

И какая-то женщина с искомженным лицом

Целовала покойника в посившие губы,

И швырнула в священника обручальным кольцом.

Я думал, что меня разорвут!

Меня обнимали, целовали, жали руки, признавались в любви...

ЭМИГРАЦИЯ, 1919 год... Уезжая, он уже знал, что вернется: «Я это понял, едва ступил на берег Турции».

Париж и Варшава, Стамбул и Бухарест, Палестина и Гавайи, Нью-Йорк и Сан-Франциско, Лос-Анджелес и Шанхай...

В поисках счастья он обогнул земной шар. На его концерты приходили коронованные особы и голливудские звезды: короли Густав V Шведский, Альфонс XIII Испанский, Михай Румынский, принц Уэльский, Вандерильды, Морганы, Ротшильды,

Самое удивительное, что ни Вертинский, ни другие, рвущиеся в те времена домой, ничего не знали о том, что в том доме – крови по колено. А если они что-то и слышали, то считали это обычным западным враньем: ум человеческий отказывался в такое верить.

В марте 1943 года Вертинский в отчаянии написал прямо Молотову: «20 лет я живу без Родины. Пустите нас домой...»

В ноябре того же года 54-летний Александр Николаевич с двадцатилетней женой – женщиной необычайной красоты, с тещей и крохотной Марианной вернулся наконец в долгожданную Россию.

ПО ВСЕМ законам того времени, в той стране, он должен был бы погибнуть. Скорее всего – в прямом смысле этого слова, а уж в творческом – на сто процентов. Замордованная до неменяемости интеллигенция прислушивалась, принохивалась к ветрам «сверху», листала газеты – нигде о Вертинском ни единой строчки, ни слова! Нигде! Ни хоро-

шей, ни плохой. И ни единой афиши о его концертах.

А у него любящие залы – битком. Позвонили, правда, из Политбюро, попросили записать пятнадцать песен и выпустили... 15 пластинок – «для узкого круга».

1948 год, выходит печально известное постановление о музыке, а о «ярком представителе буржуазного искусства» Вертинском – ни слова! Ни на одном «обличительном» собрании, которыми буквально кишит страна в те времена, его имя тоже не упоминается! Чудеса!!! Никто не может понять, в чем же тут дело? Может, Вертинский изза границы несметные миллионы в казну привез? И вдруг в 1950 году Александр Николаевич получает Сталинскую премию!!! Всего-навсего за кинороль, да еще и за «отрицательную» – кардинала?!

И тут уж советская интеллигенция осмелела – на фототрафиях тех лет все, что есть в стране знаменитого, все сидит и стоит рядом с Вертинским.

Ларчик-то открывался просто – вычеркнул, говорят,

вождь из того постановления строки об Александре Николаевиче. Красным карандашом вычеркнул, целый абзац. И строго глянул при этом на подбравшегося Жданова:

– Дадим артисту Вертинскому спокойно дожить на Родине.

Не знал один великий душегуб, что другой, самый великий, устав от кровавых дел, сядил на частенько в кресло и, закрыв глаза, посаывая трубку, слушал:

В синем и далеком океане...

Да, на концерты его ломились, попасть на них было очень трудно, но получали тогда за выступления совсем не так, как получают сейчас, и прожить на эти деньги оказалось невозможно. А пластинок не было. И магнитофонов тоже. Уже через несколько месяцев советской жизни Вертинский говорит жене совсем другое:

– Ты хорошо рисуешь – иди учиться, потому что я тебя обеспечить не могу.

Лидя пошла в Суриковский институт, а Александр Николаевич решил умереть, но выстоять.

И начались гастроли! Двадцать четыре концерта в месяц! – такую ему установили норму. В Сибирь его, уже старика, посылали зимой. В Среднюю Азию – летом.

Уже к 1949 году он знал все о стране, в которую вернулся: «Закрой глаза! – шепчет мне внутренний голос. – Иначе погибнешь... И я закрываю их. На многое. Чтобы спастись. Чтобы жить. Суживается круг...»

ВЕЛИКИЙ певец навсегда закрыл глаза 21 мая 1957 года в Ленинграде. После концерта. Не выдержало сердце.

А на том концерте он пел такие слова:

– Наши сердца, как перчатки, изношены...